

УРОКИ ЛАГОНА

Беги или гори

Бей или умри

СОФЬЯ РОЛДУГИНА

УРОКИ
КАТОНА

Бей или умри

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р67

Иллюстрация на обложке *КАТИКО*

Иллюстрации на оборотах форзаца и нахзаца
sontiyrontiy (С. Г. Товбиной)

Разработка серийного оформления *Кати Петровой*

Дизайн переплёта *Александра Андреева*

Ролдугина, Софья Валерьевна.
Р67 Уроки Лагона. Бей или умри / Софья Ролдугина. — Москва : Эксмо, 2024. — 560 с.

ISBN 978-5-04-203632-3

Трикси Бланш, эмпат и начинающий дипломат, меньше года назад очутилась в диком мире, наполненном смертоносными чудесами. Однако она уже многое узнала — например, что между магией и поэзией много общего, что у мечты бывает скверный характер и не всякий огонь несёт разрушения и смерть.

И пусть свободные кланы грозят бедой новому дому, а с побережья надвигается неведомая доселе опасность, способная уничтожить мир. В хорошей компании и не такое можно пережить!

А к незыблемым правилам — рассуждай логически, действуй рационально, ожидай худшего — прибавилась ещё парочка: учись полагаться на друзей...

...и только не паникуй!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ролдугина С., текст, 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-203632-3

ГЛАВА 1

УДАР В СПИНУ

Действует чужими руками, неразборчив в средствах,
регулярно ворует чужих учеников.

В страха не верит. А зря.

Из свитка «Загадки Лагона»

Мы вернулись в Лагон спустя почти два месяца, аккуратно к лету.

На побережье смена сезонов означала, что днём теперь шпарило солнце, а ночью лили дожди, и потому духота стояла круглые сутки, однако в горах всё осталось по-прежнему. Немного потеплело, воздух повлажнел — и только. Единственное, пожалуй, что радикально изменилось — это манера одеваться. Шарфы на плечах учеников стали тонкими, почти прозрачными. На смену плотным трико, к которым я привыкла, пришли несуразные костюмы с куцыми рукавами и штанинами. Одним из немногих, на ком подобное смотрелось неплохо, был Лао...

А другим — Тейт. Впрочем, сейчас мне казалось, что он даже в лохмотьях неотразим.

— Что, любишься? — оглянулся рыжий, точно почувствовал, что мой взгляд слишком задержался на его голых ногах.

Я поспешно отвела глаза в сторону.

Отсюда, с кромки кольца, опоясывающего внутренние территории, вид открывался сюрреалистический: похожий на лоскутное одеяло пейзаж по одну сторону и одичалая долина по другую. Я не понимала, почему Тейт так жаждет показать мне окрестности с этой точки, пока не поднялась сама. Здесь болезненно явной становилась обманчивая природа Лагона, обнажалась фундаментальная истина, на которой он стоял: внутри всегда сокрыто больше.

Фактически мы стояли на холме. Если посмотреть строго направо, можно было увидеть его половину, склоны с клочковатой травой и подножье, переходящее в равнину. Но если глянуть налево... Здесь, в Лагоне, этот холм точно бы размазывался до самого горизонта, превращаясь в оборонительную стену.

Пространственный парадокс — как два кольца, где одно вписано в другое, но притом внутреннее больше внешнего.

— Любуюсь, ага. Видом, — плавно взмахнула я рукой, обводя панораму: цветастые луга, заросли сизовой травы, каверны, рощи, хаотические нагромождения камней и ручьи — яркую крышу Лагона, под которой кипела настоящая жизнь — в подземельях. — Как ты думаешь, мастеру Ригуми понравилось бы?

— Не-а, ему нравятся женщины, — бесстыже ухмыльнулся Тейт и поправил сбившийся набок венка из белых ароматных «колокольчиков» — ароматных, но ядовитых.

Ему самому, впрочем, многие яды были нипочём, а вот красивое и яркое он любил. Плести венки я научила его дня два назад, верней, показала разок. Тейт оценил броский, необычный для Лагона аксессуар и теперь щеголял с цветами на голове, откровенно рисуясь.

— Вообще-то речь о пейзаже, — отвела я глаза в сторону, смутившись вдруг.

— Вообще-то речь обо мне. Пялилась-то ты всё это время на меня, — ответил он в тон. И посерьёз-
нел: — Когда вернёшься в мастерскую? Сегодня пой-
дёшь?

— Даже не знаю... — задумалась я. — С одной сторо-
ны, долги получились каникулы. С другой — я и в до-
роге много занималась. Вообще хочу сначала наве-
стить кофейное деревце и посоветоваться с Итасэ,
что делать дальше, а уже потом решать. А почему ты
спрашиваешь? Что-то запланировал на сегодня?

В мысленном фоне проскользнул размытый тре-
вожный образ; казалось, Тейт сам не может его ни
ухватить, ни сформулировать толком.

— Да так, — прозвучал уклончивый ответ на-
конец. — Тебя Лиора искала, кстати. Хотела перекинуть-
ся словечком или что-то типа того.

Это меня удивило. В последний раз мы виделись
несколько дней назад, когда только-только вернулись
в Лагон... Но именно что виделись, а не разговарива-
ли. И в целом за последние два месяца полноценные
беседы можно было пересчитать по пальцам одной
руки. Лиора отстранилась; не превратилась снова
в снисходительную, надменную блондинку, а словно
бы спряталась, как улитка в раковину.

И вот ещё что странно. Когда мы делили добытые
на берегу припасы, чтоб сдавать их в общие кладовые
Лагона, она записала свою долю на меня.

— Не благодари. Твоих трофеев хватит лишь на
сто пятьдесят дней, — бросила через плечо Лиора. —
А я обеспечена на два года вперёд и ни в чём не нуж-
даюсь.

Будь на моём месте другой человек, который обе-
дал бы исключительно в бесплатных столовых для
учеников, объяснение прозвучало бы логично. Одна-
ко у Тейта были неплохие личные подвалы, которые
он наполнял самостоятельно, выбираясь в горы, ко-
гда ему заблагорассудится. Так что правильное было

бы переписать долю на Маронга, если уж Лиоре она не нужна.

— Странно, — вздохнула я, подводя итог размышлениям.

— Странно, — согласился Тейт задумчиво. — Ты тоже заметила, что она в последнее время какая-то, ну, виноватая?

Вот как. Значит, не одной мне кажется, что с нашей хладнокровной красоткой что-то не так.

— Вроде того. Попробую выяснить, что именно.

Тейт уселся на самый край обрыва, подгибая под себя ноги.

— Давай. Она будет ждать у Митчи после заката. Сама найдёшь дорогу? Я сегодня хочу послушать странника. К Таппе вернулся ученик, десять лет путешествовал. Говорят, все острова обошёл. Жаль пропускать.

— Конечно, найду, — склонила я голову к плечу, прикидывая, как удобнее спуститься. Горки наподобие водных у меня получались неплохо, но съезжать с такой высоты... небезопасно, пожалуй, тормозить-то нечем. Значит, сделаю ступени и поручень для подстраховки — медленно, зато надёжно. — Только тогда пойду домой прямо сейчас, нужно переодеться и захватить деньги. И сначала всё-таки загляну в мастерскую, Итасэ должен быть там... А ты позволишь мне вечером посмотреть твои воспоминания? Я бы тоже хотела послушать рассказы путешественника.

— Не вопрос, — хмыкнул Тейт. — А ты изменилась, Трикси.

— В каком смысле? Не понимаю.

Вместо того чтобы нормально ответить, эта рыжая чума расхохоталась — и прицельным пинком спихнула меня с обрыва. Защититься я не успела, куда там рефлексам среднего во всех отношениях псионика против мага из ложи направляющих удар! Зато отыскала самый быстрый и наименее энергозатратный способ

спуститься с обрыва — тонкая труба от верха до низа. Воплощаешь из ничто, хватаешься и скользишь... Ну что же, экстремальный опыт — лучший учитель.

Кажется, я начала проникаться местными образовательными традициями — настолько, что даже не обиделась на Тейта за пинок.

Кратчайший путь домой пролегал мимо зарослей хотты — высокой травы, которая весной цвела красивыми лиловатыми метёлками. Сейчас на ней появились усыпанные семечками голубые шары величиной с детскую голову. Судя по учебным свиткам, одолженным у Кагечи Ро, из созревших прокалённых зёрен готовили каши и похлёбки. А вот молодые сладковатые початки можно было запечь целиком — и получился бы неплохой десерт. Съедобный для «добычи» из другого мира, что немаловажно... После путешествия воплотить прямо на ходу две-три ступеньки для меня было делом ерундовым, как для кухни Лоран — нарисовать губы за рулём любимого красного «трэвела»: уже даже не навык, а привычка. Щурясь от солнца, я забралась выше, чтобы выбрать початок понежнее; сладковатый травяной запах стал более сильным. Метрах в пятнадцати отсюда, в глубине зарослей, слышался отзвук чужого сознания — девушка, похоже, из мастерской Ригуми Шаа. Имени я не помнила, но ярко-розовые, как жвачка, волосы трудно было не признать. Они издали просвечивали сквозь бумажно шелестящую листву. Девушка увидела меня и крутанула запястьем над головой в приветственном жесте, я ответила тем же и снова нырнула в заросли — в полумрак и прохладу.

Надо же, сама не заметила, как обросла знакомыми.

Дома я забросила початки в кладовую, наскоро переделалась в новый костюм — работы Нэккен, но созданный по моему собственному эскизу. На оплату ушли почти все деликатесы, добытые на побережье:

моллюски, редкие пряные травы и цветы, фрукты и ягоды, рыба... Набрать припасов — полдела, вот доставить их — настоящая проблема. Не представляю, как бы мы выкручивались без Итасэ, который милостиво согласился помочь и сотворил иллюзию, внутри которой было холодно, как на северном полюсе. Подозреваю, что именно из-за трудностей с транспортировкой вкусная и редкая еда считалась в Лагоне ценностью. И если обыкновенные продукты полагалось сдавать в общие кладовые, то деликатесы было принято либо обменивать на перламутровые лепестки, местные деньги, либо сразу расплачиваться ими за услуги. Как я с Нэккен, например. Не в последнюю очередь потому, что прекрасно понимала — костюм за деньги мне не по карману, но если при виде сочных, сладких фруктов и нежнейшей рыбы, переложенной горьковато-пряными цветами, у портнихи потекут слюнки, то можно рассчитывать на значительную скидку.

Тейт очень смеялся — не отрицая, впрочем, что я права.

— Ты уверена насчёт расцветки? — задумчиво спросила тогда Нэккен, крутанув образ кончиками пальцев. — С покроем-то я согласна, для лета достаточно коротких рукавов, штанины можно оставить длинными, только сделать посвободнее. Но вот цвета... Светлое носят обычно мастера. Скучно же. Может, что-нибудь поярче? Вот оттенок пояса мне понравился, такой тёмно-красный... — она прикоснулась к тоненькой ленте, перетягивающей талию иллюзорной модели. — Как запёкшаяся кровь.

Я сама не ожидала, что от трёх слов нахлынет такой поток чувств, совершенно разных, едва ли не противоречащих друг другу: и стыд, и сожаление, и яростная гордость, и сострадание к Нэккен, не понимающей чего-то очень важного и простого одновременно... И зависть к ней же из-за этого самого непонимания.

Сразу после кровавого сражения нелегко было задавать вопросы, но через несколько недель я решилась. И ответы перекликались с чем-то, спрятанным глубоко внутри меня, с некой неочевидной истиной. Итасэ сказал, что носит серое, потому что так не пристаёт грязь. Лао таинственно обронил, проводя пальцем по ткани цвета неотбелённого льна: «Она... необработанная. Словно её не касались чужие руки». Об алых шарфах Тейта я знала даже больше, чем хотела бы, а Лиора... Лиора произнесла, глядя на меня: «Я тоже ношу белое».

Она действительно понимала — и так же боялась говорить о некоторых вещах вслух, предпочитая иносказания.

— Как-то разлюбила яркие цвета, — выдавила я из себя наконец.

Нэкен удивлённо уставилась снизу вверх:

— А пояс? — упрямо повторила она.

— Напоминание.

Больше вопросов не последовало.

Костюм портниха сотворила за несколько часов. И пусть теперь я выделялась на фоне ярко одетых учеников так же, как Лиора или Кагечи Ро, жалеть было не о чем. Пропуская холодный, шелковистый пояс сквозь пальцы, я, как никогда ясно, ощущала, что хочу для себя путь без крови. Чистый, ясный, светлый. И, чтобы пройти по нему, просто силы будет недостаточно, даже всей силы в мире...

И ещё — что мастер Оро-Ич знает об этом пути больше, чем показывает.

— Ну что, Трикси Бланш, — пробормотала я, пытаясь кое-как оглядеть себя без зеркала. — Теперь ты почти соответствуешь своей фамилии.

Дурацкая шутка показалась ужасно смешной.

Выход из дома загоразживал Шекки — лежал прямо поперёк дыры. Здорово, конечно, враг не пройдёт, но бедным жильцам куда деваться? Пришлось потыкать

его в бок воплощённой из ничто палкой. Он отреагировал то ли на знакомую магию, то ли на запах, и наконец-то сдвинулся. И — не в первый раз, кстати, — мне почудилось, что у крылатой химеры есть сознание, запрятанное глубоко под слоями вязкой защиты, глушащей любые мысли.

Интересно, все айры на самом деле такие, или Шекки особенный?

Оказавшись снаружи, я с удивлением поняла, что пробыла дома куда дольше, чем рассчитывала. Солнце склонилось к стене, окружающей внутренние территории Лагона, ещё немного — и чиркнет по кромке, разломится, угаснет. Если хочу добраться без проблем и до мастерской, и до Митчи, нужно поторопиться...

Внезапно где-то глубоко внутри проклюнулось чувство тревоги. Лёгкое, естественное — даже не сразу стало ясно, что оно принадлежит не мне. И, лишь расширив купол до двухсот шагов против привычных ста, я зацепила незнакомку, которая шла следом, держась на значительном расстоянии. Разум её был немного затуманен — первая ступень, не выше, но, похоже, в сочетании с местными уникальными техниками, которые позволяли словно бы остановить течение мыслей. И техники у незнакомки отработаны не настолько хорошо, как у Тейта, при желании способного вообще превратиться в невидимку для телепата... но всё-таки сверхчувства у неё явно имеются. Значит, незаметно зацепиться и проникнуть в её разум не получится, а сразу атаковать, не разобравшись, глупо вдвойне.

Не выдержав, я оглянулась; лучи заходящего солнца скользнули по лицу, и по контрасту с остывающим воздухом показались не только тёплыми, но и мягкими, ласковыми, точно большие художественные кисти из нежного ворса, нагретые у огня. Кислая, холодная тревога моей преследовательницы вспыхнула чуть ярче, и расстояние до чужого сознания увеличилось.

Она огибает меня по широкой дуге? Любопытно. Но угрозы вроде бы нет. Что ж, буду выжидать — и оставаться настороже.

В мастерскую таинственная незнакомка спускаться не стала, но и восояси не вернулась — осталась снаружи. Некоторое время я ощущала её, но вскоре углубилась в подземные туннели, и она выскользнула из купола.

Итасэ, как и обещал, немного задержался, поджидая меня у самого входа в главную пещеру. Ригуми Шаа пока отдыхал после путешествия и, подозреваю, отчитывался перед Оро-Ичем, а потому учеников было намного меньше, чем обычно. С ними занимались подмастерья — никого из них, кроме высокой женщины, стриженной почти налысо, я не знала.

— Ты не торопилась, Трикси-кан, — прохладно встретил меня Итасэ. После того как мы с Лао и с Тейтом вытащили его из логова свободных, он немного смягчился, но только в поступках. Манера общения оставалась столь же отстранённой и едкой. — Надеюсь, хотя бы провела это время с пользой.

— Да, Тейт показывал мне вид с края стены, — пояснила я в шутку. Итасэ наклонил голову к плечу, всерьёз принимая довод, развернулся и направился вглубь пещеры, серый и незаметный, как тень. Пришлось поторопиться за ним. — Внутренние территории куда больше, чем я думала. Лагон — как коробка. Со стороны кажется, что в ней поместится только семечко, а там на самом деле целое дерево.

— И не одно, — усмехнулся Итасэ. Сравнение ему явно понравилось. — К слову, о деревьях... Я не ожидал такого результата. Готов спорить, что и Шаа тоже.

Мы как раз остановились у ярко освещённой ниши. Солнечные лучи не только изливались со свода, но и сочились из стен, и в облаке света нежилось дерево с глянцевыми листьями, раскидистое и высокое.

Семь метров, восемь? Или все девять?

Но меня поразили даже не размеры, а то, что ветви были густо-густо усыпаны тёмно-красными ягодами — так, что кое-где и коры не видно.

— Надеюсь, они не ядовитые? — невозмутимо осведомился Итасэ. — Принимая за аксиому, что создание перенимает черты создателя, я немного опасаясь за мастерскую.

— Один мудрец пас в горах коз. И вот однажды он заметил, что некоторые козы бодры не только днём, но и половину ночи, — произнесла я нараспев, прикасаясь к ягодам на ветке. Тяжёлые, твёрдые... Никогда не видела живого кофейного дерева, только готовые зёрна. — Мудрец стал наблюдать за козами и выяснил, что они жевали ягоды некоего растения, и таким образом обнаружились бодрящие свойства кофейных плодов. Но вот вкус его не устраивал... Мудрец пробовал вымачивать ягоды, настаивать, сушить — всё было не то. Однажды он в ярости бросил ветку в огонь. Мякоть высохла и обгорела, а тлеющие семена начали источать божественный аромат. Мудрец собрал их, измельчил, залил горячей водой — и вот тогда вкус ему понравился. Так был изобретён кофе.

Я, как могла, иллюстрировала рассказ иллюзиями; представление, по моему скромному мнению, получилось неплохое — сюрреалистическое, фантазийное, особенно мне удалось винторогие козы со зловеще горящими глазами. Но разве Итасэ проймёшь!

— О, значит, это съедобно, — ответил он равнодушно. — Приглашу кого-нибудь созидающих совершенство, нужно проверить. Наконец-то хоть какая-то польза.

— Мне другое интереснее, — произнесла я, скосив глаза на Итасэ. Он сорвал одну ягоду и теперь вертел её в пальцах, явно подумывая о том, чтобы попробовать на зуб. — Почему оно так быстро выросло? До первого урожая проходит три-четыре года.

И дерево такой высоты — в принципе редкость. Аномалия.

Мимо нас проскользнул ученик. Остановился в отдалении, поглядывая в сторону ниши, но так и не решился влезть в разговор подмастерья с чужой добычей — и ретировался.

М-да, добыча... Я надеялась, что избавилась от этого клейма.

— Обычно творение, воплощённое из ничто, откликается на желание создателя. Но тут другой случай. Творением была ягода, а дерево живёт само по себе. — Итасэ говорил несколько отстранённо, точно имел в виду не кофе, а что-то большее... что-то очень личное. Обычно гладкие, прямые серые волосы колыхались вокруг его головы, как густой дым, превращая бледный профиль в потустороннее готическое видение. — Дерево связано с тобой. Возможно, здесь и кроется разгадка. Оно принесло плоды, много и неожиданно. А что там с твоим обучением, Триксикан? — спросил он вдруг, и уголки губ у него дрогнули.

От неожиданности я несколько раз моргнула.

Это что, была дружеская острота? В исполнении Итасэ?

Не верю.

— С обучением у меня пока, к сожалению, только цветочки, — вздохнула я. — Но скоро начну снова приходить в мастерскую, честное слово.

— Не торопись, — неопределённо качнул головой Итасэ. — Позволь новым умениям войти в твою кровь и в мысли, — добавил он и вдруг прикусил ягоду кофе. Вздёрнул брови, поморщился — и потом выражение лица стало растерянным. — Надо же. Снаружи горько, а внутри — сладко. Действительно, создание многое перенимает от создателя.

Сказал — и ускользнул, развеялся, как клоч тумана на ветру. Я только и успела, что развернуться и захватить его краем купола.